

Р. И. ФРАЕРМАН

*ДИКАЯ СОБАКА ДИНГО,
ИЛИ ПОВЕСТЬ О ПЕРВОЙ ЛЮБВИ*

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ф82

Серия «Эксклюзивная классика»

Серийное оформление *А. Фереза, Е. Ферез*

Дизайн обложки *В. Воронина*

Ф82 Фраерман, Рувим Исаевич.
Дикая собака динго, или Повесть о первой любви : [повесть] / Рувим Исаевич Фраерман. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 192 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-185776-9

Пятнадцатилетняя Таня Сабанеева живет в небольшом городке на Дальнем Востоке. Она ходит в школу, иногда получает двойки, мечтает побывать в дальних странах, любит ловить рыбу и кататься на собачьих упряжках. Привычный мир Тани рушится, когда неожиданно в их город приезжает отец, которого девочка никогда не видела, а с ним его новая жена и приемный сын Коля. Смешанные чувства переполняют девочку, в ее сердце закрадываются обида и ревность, но вместе с ними неожиданно зарождается светлое чувство, о существовании которого она даже не догадывалась...

Повесть о мире юности, где водится дикая собака динго и цветет волшебный цветок саранка, о верной дружбе и, конечно, о первой любви.

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-185776-9

© Р.И. Фраерман, наследники, 2024
© ООО «Издательство АСТ», 2026

I

Тонкая леса была спущена в воду под толстый корень, шевелившийся от каждого движения волны.

Девочка ловила форель.

Она сидела неподвижно на камне, и река обдавала ее шумом. Глаза ее были опущены вниз. Но взгляд их, утомленный блеском, рассеянным повсюду над водой, не был пристален. Она часто отводила его в сторону и устремляла вдаль, где круглые горы, осененные лесом, стояли над самой рекой.

Воздух был еще светел, и небо, стесненное горами, казалось среди них равниной, чуть озаренной закатом.

Но ни этот воздух, знакомый ей с первых дней жизни, ни это небо не привлекали ее сейчас.

Широко открытыми глазами следила она за вечно бегущей водой, силясь представить в своем воображении те неизведанные края, куда и откуда бежала река. Ей хотелось увидеть иные

страны, иной мир, например австралийскую собаку динго. Потом ей хотелось еще быть пилотом и при этом немного петь.

И она запела. Сначала тихо, потом громче.

У нее был голос, приятный для слуха. Но пусто было вокруг. Лишь водяная крыса, испуганная звуками ее песни, близко плеснулась возле корня и поплыла к камышам, волоча за собой в нору зеленую тростинку. Тростинка была длинна, и крыса трудилась напрасно, не в силах проташить ее сквозь густую речную траву.

Девочка с жалостью посмотрела на крысу и перестала петь. Потом поднялась, вытащив лесу из воды.

От взмаха ее руки крыса шмыгнула в тростник, а темная, в пятнах, форель, до того неподвижно стоявшая на светлой струе, подпрыгнула и ушла в глубину.

Девочка осталась одна. Она взглянула на солнце, которое было уже близко к закату и клонилось к вершине еловой горы. И, хотя было уже поздно, девочка не спешила уйти. Она медленно повернулась на камне и неторопливо зашагала вверх по тропинке, где навстречу ей по пологому склону горы спускался высокий лес.

Она вошла в него смело.

Шум воды, бегущей меж рядами камней, остался за ее спиной, и перед ней открылась тишина.

И в этой вековой тишине услышала она вдруг звук пионерского горна. Он прошелся по просеке, где, не шевеля ветвями, стояли старые пихты, и протрубил ей в уши, напомнив, что надо спешить.

Однако девочка не прибавила шагу. Обогнув круглое болотце, где росли желтые саранки, она наклонилась и острым сучком вырыла из земли вместе с корнями несколько бледных цветов. Руки ее были полны, когда позади раздался тихий шум шагов и голос, громко зовущий ее по имени:

— Таня!

Она обернулась. На просеке, возле высокой муравьиной кучи, стоял нанайский мальчик Филька и манил ее к себе рукой. Она подошла, дружелюбно глядя на него.

Возле Фильки на широком пне увидела она котелок, полный брусники. А сам Филька узким охотничьим ножом, сделанным из якутской стали, очищал от коры свежий березовый прут.

— Разве ты не слышала горна? — спросил он. — Почему же ты не спешишь?

Она ответила:

— Сегодня родительский день. Мать моя приехать не может — она в больнице на работе, — и в лагере меня никто не ждет. А почему ты не спешишь? — добавила она с улыбкой.

— Сегодня родительский день, — ответил он так же, как она, — и ко мне приехал из стойбища отец, я пошел его проводить до еловой сопки.

— Разве ты уже проводил его? Ведь это далеко.

— Нет, — ответил с достоинством Филька. — Зачем я буду его провожать, если он останется ночевать возле нашего лагеря у реки! Я купался за Большими камнями и пошел искать тебя. Я слышал, как ты громко пела.

Девочка посмотрела на него и засмеялась. А смуглое лицо Фильки потемнело еще больше.

— Но если ты не спешишь никуда, — сказал он, — то постоим тут немного. Я угощу тебя муравьиным соком.

— Ты уже угощал меня утром сырой рыбой.

— Да, но то была рыба, а это уже совсем другое. Попробуй! — сказал Филька и воткнул свой прут в самую середину муравьиной кучи.

И, склонившись над ней вдвоем, они подождали немного, пока тонкая ветка, очищенная от коры, не покрылась сплошь муравьями. Тогда Филька стряхнул их, слегка ударив веткой по кедру, и показал ее Тане. На блестящей заболони видны были капли муравьиной кислоты. Он лизнул и дал попробовать Тане. Она тоже лизнула и сказала:

— Это очень вкусно. Я всегда любила муравьиный сок.

Она двинулась дальше, и Филька пошел с нею рядом, не отставая от нее ни на шаг.

Они молчали. Таня — потому, что любила думать понемногу обо всем и молчать всякий раз, когда входила в этот молчаливый лес. А Филька о таком чистейшем пустяке, как муравьиный сок, тоже не хотел говорить. Все же это был только сок, который она могла добывать и сама.

Так прошли они всю просеку, не сказав друг другу ни слова, и вышли на противоположный склон горы. И здесь, совсем близко, под каменным обрывом, все у той же самой реки, без усталости спешившей к морю, увидели они свой лагерь — просторные палатки, стоявшие на поляне в ряд.

Из лагеря доносился шум. Взрослые, должно быть, уже уехали домой, и шумели одни только дети. Но голоса их были так сильны, что здесь, наверху, среди молчания серых морщинистых камней, Тане показалось, что где-то далеко гудит и качается лес.

— А ведь, никак, уже строятся на линейку, — сказала она. — Тебе бы следовало, Филька, прийти в лагерь раньше меня, потому что не посмеются ли над нами, что мы так часто приходим вместе?

«Вот уж про это ей бы не следовало говорить», — подумал с горькой обидой Филька.

И, схватившись за цепкий слойник, торчащий над обрывом, он прыгнул вниз на тропинку так далеко, что Тане стало страшно.

Но он не расшибся. И Таня бросилась бежать по другой тропинке, меж низких сосен, криво растущих на камнях...

Тропинка привела ее на дорогу, которая, точно река, выбегала из леса и, точно река, блеснула ей в глаза своими камнями и щебнем и прошумела длинным автобусом, полным людей. Это взрослые уезжали из лагеря в город. Автобус проехал мимо. Но девочка не проводила взглядом его колес, не посмотрела в его окна: она не ожидала увидеть в нем никого из родных.

Она пересекла дорогу и вбежала в лагерь, легко перескакивая через канавы и кочки, так как была проворна.

Дети встретили ее криком. Флаг на шесте похлопал ей прямо в лицо. Она стала в свой ряд, положив цветы на землю.

Вожатый Костя погрозил ей глазами и сказал:

— Таня Сабанеева, на линейку надо становиться вовремя. Смирно! На-пра-во равняйся! Ощущайте локтем соседа.

Таня пошире раздвинула локти, подумав при этом: «Хорошо, если у тебя справа друзья. Хорошо, если они и слева. Хорошо, если они и там и тут».

Повернув голову направо, Таня увидела Фильку. После купания лицо его блестело, как камень, а галстук был темен от воды.

И вожатый сказал ему:

— Филька, какой же ты пионер, если каждый раз делаешь себе из галстука плавки!.. Не ври, не ври, пожалуйста! Я сам все знаю. погоди, я уж поговорю с твоим отцом серьезно.

«Бедный Филька, — подумала Таня, — ему сегодня не везет».

Она смотрела все время направо. Налево же она не смотрела. Во-первых, потому, что было это не по правилам, а во-вторых, потому, что там стояла толстая девочка Женя, которую она не предпочитала другим.

Ах, этот лагерь, где уже пятый год подряд проводит она свое лето! Почему-то сегодня он ей казался не таким веселым, как прежде. А ведь всегда она так любила просыпаться в палатке на заре, когда с тонких шипов ежевики капает на землю роса! Любила звук горна в лесу, ревущего подобно изюбрю, и стук барабанных палочек, и кислый муравьиный сок, и песни у костра, который она умела разводить лучше всех в отряде.

Что же сегодня случилось? Неужели эта бегущая к морю река навеяла на нее эти странные мысли? С каким смутным предчувствием следила она за ней! Куда хотелось ей плыть? Зачем понадобилась ей австралийская собака динго?

Зачем она ей? Или это просто уходит от нее ее детство? Кто знает, когда уходит оно!

Таня с удивлением думала об этом, стоя смиренно на линейке, и думала об этом позже, сидя в столовой палатке за ужином. И только у костра, который поручили ей развести, она взяла себя в руки.

Она принесла из лесу тонкую березку, высохшую на земле после бури, и поставила ее посередине костра, а кругом искусно развела огонь.

Филька же окопал его и подождал, пока не займутся сучья.

И березка горела без искр, но с легким шумом, со всех сторон окруженная сумраком.

Дети из других звеньев приходили к костру любоваться. Приходил и вожатый Костя, и доктор с бритой головой, и даже сам начальник лагеря. Он спросил их, почему они не поют и не играют, раз у них такой красивый костер.

Дети спели одну песню, потом другую.

А Тане не хотелось петь.

Как прежде на воду, широко открытыми глазами смотрела она на огонь, тоже вечно подвижный и постоянно стремящийся вверх. И он, и он шумел о чем-то, навевая на душу неясные предчувствия.

Филька, который не мог видеть ее печальной, принес к костру свой котелок с брусникой, желая порадовать ее тем немногим, что у него

было. Он угостил всех товарищей по звену, но Тане выбрал ягоды самые крупные. Они были спелы и прохладны, и Таня съела их с удовольствием. А Филька, видя ее снова веселой, начал рассказывать о медведях, потому что отец его был охотник. И кто же другой мог так хорошо рассказать о них.

Но Таня прервала его.

— Я родилась здесь, в этом краю и в этом городе, и нигде не бывала в другом месте, — сказала она, — но всегда удивлялась, почему здесь так много говорят о медведях. Постоянно о медведях...

— Потому что кругом тайга, а в тайге водится много медведей, — ответила толстая девочка Женя, у которой не было никакой фантазии, но которая всему умела находить верную причину.

Таня задумчиво посмотрела на нее и спросила у Фильки, не может ли он что-нибудь рассказать об австралийской собаке динго.

Но о дикой собаке динго Филька ничего не знал. Он мог бы рассказать о злых нартовых собаках, о лайках, но об австралийской собаке ему ничего не было известно. Не знали о ней и другие дети.

И толстая девочка Женя спросила:

— А скажи, пожалуйста, Таня, зачем тебе австралийская собака динго?

Но Таня ничего не ответила, потому что в самом деле ничего на это не могла сказать. Она только вздохнула.

Словно от этого тихого вздоха березка, горевшая до того так ровно и ярко, вдруг закачалась, как живая, и рухнула, рассыпалась пеплом. В кругу, где сидела Таня, стало темно. Мрак подступил близко. Все зашумели. И тотчас же из темноты раздался голос, которого никто не знал. Это не был голос вожатого Кости.

Он сказал:

— Ай-ай, друга, чего кричишь?

Чья-то темная большая рука пронесла над головой Фильки целую охапку сучьев и бросила их в костер. Это были еловые лапы, которые дают много света и искр, с гудением уносящихся вверх. И там, наверху, они гаснут не скоро, они горят и мерцают, точно целые горсти звезд.

Дети вскочили на ноги, а к костру подсел человек. Он был с виду мал, носил кожаные наколенники, а на голове у него была берестяная шляпа.

— Это Филькин отец, охотник! — закричала Таня. — Он ночует сегодня тут, рядом с нашим лагерем. Я его хорошо знаю.

Охотник подсел к Тане поближе, закивал ей головой и улыбнулся. Улыбнулся он и другим детям, показав свои широкие зубы, источенные длинным мундштуком медной трубочки, кото-

рую он крепко сжимал в руке. Каждую минуту он подносил к своей трубочке уголек и сопел ею, ничего никому не говоря. Но это сопение, этот тихий и мирный звук говорил всем, кто хотел его слушать, что в голове этого странного охотника нет никаких дурных мыслей. И поэтому, когда к костру подошел вожатый Костя и спросил, почему у них в лагере находится посторонний человек, то дети закричали все вместе:

— Не трогай его, Костя, это Филькин отец, пусть посидит у нашего костра! Нам с ним весело!

— Ага, так это Филькин отец, — сказал Костя. — Отлично! Я узнаю его. Но, в таком случае, я должен сообщить вам, товарищ охотник, что сын ваш Филька постоянно ест сырую рыбу и угощает ею других, например Таню Сабаневу. Это одно. А во-вторых, из своего пионерского галстука он делает себе плавки, купается возле Больших камней, что категорически было ему запрещено.

Сказав это, Костя ушел к другим кострам, которые ярко горели на поляне. А так как охотник не все понял из того, что сказал Костя, то посмотрел ему вслед с уважением и на всякий случай покачал головой.

— Филька, — сказал он, — я живу в стойбище и охочусь на зверя и плачу деньги для того, чтобы ты жил в городе и учился и был всегда

сыт. Но что же из тебя выйдет, если за один только день ты сделал так много зла, что на тебя жалуются начальники? Вот тебе за это ремень, иди в лес и приведи сюда моего оленя. Он пасется близко отсюда. Я переночую у вашего костра.

И он дал Фильке ремень, сделанный из лосиной кожи, такой длинный, что его можно было закинуть на вершину самого высокого кедра.

Филька поднялся на ноги, глядя на товарищей, не разделит ли кто-нибудь с ним его наказание. Тане стало жалко его: ведь это ее угощал он утром сырой рыбой, а вечером муравьиным соком и, может быть, ради нее купался у Больших камней.

Она вскочила с земли и сказала:

— Филька, пойдём. Мы поймаем оленя и приведем его твоему отцу.

И они побежали к лесу, который встретил их по-прежнему молчаливо. Скрещенные тени лежали на мху между елями, и волчьих ягоды на кустах блестели от света звезд. Олень стоял тут же, близко, под пихтой, и объедал мох, свисавший с ее ветвей. Олень был так смирен, что Фильке не пришлось даже развернуть аркан, чтобы набросить его на рога. Таня взяла оленя за повод и по росистой траве вывела его на опушку, а Филька привел к костру.

Охотник засмеялся, увидев детей у костра с оленем. Он предложил Тане свою трубочку, чтобы она покурила, так как он был добрый человек.

Но дети громко засмеялись. А Филька строго сказал ему:

— Отец, пионеры не курят, им нельзя курить.

Охотник был очень удивлен. Но не даром же он платит деньги за сына, не даром же сын живет в городе, ходит в школу и носит на шее красный платок. Должен же он знать такие вещи, о которых не знает отец. И охотник закурил сам, положив руку на плечо Тане. А олень его подышал ей в лицо и прикоснулся к ней рогами, которые тоже могли быть нежными, хотя уже и давно затвердели.

Таня опустила на землю рядом с ним почти счастливая.

На поляне всюду горели костры, вокруг костров пели дети, и доктор ходил среди детей, беспокоясь об их здоровье.

И Таня с удивлением думала:

«В самом деле, разве это не лучше австралийской собаки динго?»

Почему же ей все-таки хочется плыть по реке, почему все звенит в ушах голос ее струй, бьющихся о камни, и так хочется в жизни перемен?..